

А. МОЛНАР*

ORCID ID: 0000-0002-7896-1480

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В «БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ» ДОСТОЕВСКОГО И «ВОСКРЕСЕНИИ» ТОЛСТОГО

Аннотация: В статье рассматриваются компоненты социально-юридического нарратива в романах Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и «Воскресении» Л. Н. Толстого. Эти произведения не соответствуют определению детектива, действия следователей отодвигаются в них на второй план, а в центр внимания ставятся этико-философские проблемы, вечные вопросы бытия и события мировой истории, в частности христианское спасение человека. Проводится аналитическое изучение текстов как на историко-литературном уровне, так и в пределах морально-этического модуса с акцентом на изучение соотношения категорий вины, греха и ответственности в мотивах действия персонажей. При этом раскрываются некоторые сходства и различия в презентации расследования юридических разбирательств и судебных дел, а также оценки отношения к преступлению и следующему за него наказанию.

Ключевые слова: Достоевский, «Братья Карамазовы», Толстой, «Воскресение», судебное разбирательство, расследование, нарратив и дискурс, метапоэтика романа.

A. MOLNAR

CRIME AND TRIAL IN THE NOVELS OF FYODOR DOSTOEVSKY AND LEO TOLSTOY

Annotation: The article deals with some components of the socio-criminal narrative in the novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov” and in the novel “Resurrection” by L. N. Tolstoy. These masterpieces can also be studied from this, new perspective, despite the fact that they do not quite meet the definition of a detective: they push the actions of investigators to the background, focusing on ethical problems, eternal questions and events of a global scale, in particular, the fall and salvation of man. The analysis is carried out both at the level

* Ангелика Молнар, габил. д-р филол. наук, доцент Института славистики Дебреценского университета, Венгрия; Angelica Molnar, gabil. Dr. of Philology, Associate Professor at the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen, Hungary. mandzsi@gmail.com

of the history of the heroes who, because of the feeling of guilt for an immoral life lived, are ready to embark on the path of redemption, and also at the level of discourse, which unfolds the problem of the word and genre of the novel. Similarities and differences in the presentation of the investigation of cases and trials, as well as the evaluative attitude to crimes and punishments, are also revealed.

Key words: Dostoevsky, “The Brothers Karamazov”, Tolstoy, “Resurrection”, trial, investigation, narrative and discourse, metapoetics of the novel.

Обратимся к романам «Братья Карамазовы» (1879) Ф. М. Достоевского и «Воскресение» (1899) Л. Н. Толстого с точки зрения формирования в них юридического нарратива. Развертывая тему преступления и наказания в своих романах, Достоевский учитывал опыт строительства сюжета известных ему детективных новелл¹. Не требует специального объяснения также и интерес Толстого к судебным разбирательствам, в которых он и сам лично участвовал в качестве непрофессионального адвоката². Оба писателя в своих произведениях раскрывают несправедливость и равнодушие законодательной и пенитенциарной систем в отношении к конкретной личности человека. Эти акценты необыкновенно сильны в произведениях русской литературы, тематически связанных с проблемами уголовного мира, что отличает их в этом аспекте от западноевропейской традиции. Произведения Достоевского и Толстого не только продолжают эту линию, но и оказывают существенное влияние на развитие русского детектива. Рассмотрим, в каких моментах складывается их сюжет и нарратив в специфическом соотношении с известными правилами социально-криминального романа.

В истории трех Карамазовых-сыновей варьируются формы принятия ответственности за отцеубийство и необходимости морального очищения. Обвиняет себя Алеша, старания которого разрешить бытийные проблемы своей семьи оказываются тщетны, равно и Иван остро

¹ См. об этом: *Боровски М.* Элементы детективного романа в структуре сюжета «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года / ред. В. В. Дудкин. Великий Новгород, 2008. С. 36–45; *Зброжек Е.* Дело об убийстве Федора Павловича Карамазова. 2012. URL: <https://proza.ru/2012/12/04/663>; *Шкловский В. Б.* Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель, 1957; *Jovanović M.* Техника романа тайн в «Братьях Карамазовых» // Dostoevsky Studies / Toronto Slavic Quarterly. 1984. Т. 5. С. 4–36. А также стоит учесть и свои наблюдения: *Молнар А.* Образ черта в расследовании: «Братья Карамазовы» и сериал «Люцифер» Нетфликса // Артикульт. 2022. № 4 (48). С. 65–70.

² В связи с идеями и поэтикой Толстого используются результаты следующих работ: *Андреева В. Г.* Проблема власти в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Новый филологический вестник. 2020. № 4 (55). С. 96–112; *Кузина Л. Н., Тонькин К. И.* «Воскресение» Л. Н. Толстого. М.: Худ. лит.-ра, 1978; *Романов Д. А.* Языковой мир Льва Толстого глазами современного читателя. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008; *Скафтымов А. П.* Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Худ. лит.-ра, 1972. С. 134–181; *Шкловский В. Б.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929.

переживает мысль о своей причастности к преступлению. Осуждение Дмитрия на каторгу означает для него наказание, равнозначное смерти, отсюда мотивы появления проектов по его спасению, побегу в Новый Свет, после которого он будет готов «замаливать грех во веки» (15, 186). В надежде на это Катерина Ивановна и Дмитрий прощают друг друга, крестный же путь Мити на каторгу намечается с Грушенькой (падшей женщиной, обвиняющей себя в возникновении конфликта между отцом и сыном). В фигуре Катюши Масловой в романе «Воскресенье» Толстой будто бы создает некую вариацию Сони Мармеладовой из «Преступления и наказания». Возможно, на аллюзию с произведениями Достоевского направлено и имя Нехлюдова — Дмитрий. Добавим, что судебного следователя Николая Парфеновича Достоевский назвал Нехлюдовым, с фамилией которого впоследствии будет созвучна фамилия главного героя романа Толстого.

У Достоевского повествование ведется с явным желанием нарратора представить широкую картину преступления со всеми деталями, которые становятся затем известны в ходе расследования. Его нарратор обретает черты добровольного помощника следователя. Он демонстративно акцентирует свою функцию добросовестного хроникера событий, которые он, однако, воспроизводит не в виде записок (за исключением «бесед» старца Зосимы, записанных Алексеем). Правда, его кругозор ограничен, этим объясняются пропуски и эллипсисы в повествовании. К примеру, нарратор прерывает описание ряда поступков Мити как раз в том месте, где можно было бы узнать, действительно он ли совершил преступление.

Хронологический порядок в изложении событий нарушен и в описании следствия. В непосредственное изложение повествования вкраплен предварительный эпизод расследования дела при участии свидетеля Петра Ильича Перхотина. Однако судебным следователям еще до появления этого, казалось бы, очевидного свидетеля стали известны обстоятельства дела. Старый слуга Григорий велел своей жене официально сделать заявление, обвинив старшего сына в убийстве своего отца. Перхотин своими показаниями наводит следствие на ложный след, подозревая Митю из-за его странного поведения и следов крови на его одежде. Путаница возрастает и в силу смещения различных значений слова «отец». Митя утверждает, что эта кровь того, кто его по-настоящему вырастил, слуги Григория, и считает себя виновным перед ним, поэтому вначале и не понимает, почему его обвиняют в убийстве отца. Театральность поведения госпожи Хохлаковой также усиливает круг ложных подозрений, ломая судьбу Мити и помогая карьере Перхотина.

Пришедшие за подозреваемым в Мокрое представляют собой не только разные судебные инстанции, но и разные подходы к преступникам. К примеру, исправник Макаров сначала агрессивно относится к Дмитрию, но, послушав его версию, проявляет к нему понимание и доброту. Медицинская экспертиза тоже будто бы доказывает его

виновность, несмотря на то что хроникер подчеркивает, как немецкий врач коверкает русский язык, а возможно, и смысл того, что он говорит. Следователи не сомневаются и в орудии убийства, отождествляя его с тем же пестиком, которым Митя ударил слугу.

Заметим, что в воспроизведение допроса хроникер вводит дополнительные элементы, отсутствующие в протоколе, будто он являлся участником дела, например, как следователи обращают внимание и записывают только то, что подтверждает их подозрения, или как они переглядываются между собой, ища поддержки друг у друга. Выясняется, что их поведение напоминает кошмар Мити, в котором он пытается спрятаться от гонящегося за ним некоего, наслаждающегося его страхом, в ситуации охотника, преследующего зверя: «Я волк, а вы охотники, ну и травите волка» (14, 426). Эта коллизия потом развертывается в романе Толстого в сравнении отношений Нехлюдова и Масловой на суде³. Вся ситуация схватки представлена у Достоевского в трех «мытарствах». Отметим, что это слово, обозначающее главы «Братьев Карамазовых», и, одновременно, моральное истязание героя, отчасти созвучно с его именем «Митя».

Следствие навязывает подозреваемому собственные теории, рационально истолковывает его поступки и фактически неспособно принимать нелогичные, в то же время вполне человеческие решения, ведущие к справедливому исходу дела. Оно опирается лишь на голые факты, которым в «Братьях Карамазовых» противопоставлена личность человека с его мыслями и чувствами. Товарищ прокурора в процессе работы остается холодным и спокойным, олицетворяя собой бездушную и беспощадную государственную машину, Митя, напротив, горячится, плачет и смеется, даже пытается «подробно» описать «ревнивые муки свои» (14, 422). С каждым новым вопросом следователя, с каждой новой уликой Митя становится все мрачнее, осознавая, что он проигрывает. В итоге он пропускает важные оправдывающие его детали, например, как из жалости соскочил к лежащему Григорию. Этот поступок товарищ прокурора склонен истолковать как доказательство хладнокровия убийцы, провоцирующего свидетеля. Подозреваемый презирует необходимость упоминания «мелочей», однако без них (ладанки и других улик) его история остается неправдивой.

Этими деталями вводит метапоэтическая проблема, которая определяет содержание романа «Братья Карамазовы» в целом. Дмитрий утверждает, что мелочи неважны, так как растягивают небольшое событие до размеров романа: «...ведь эдак в трех томах не упишешь, да еще эпилог потребуется!» — Все это говорил Митя с добродушной, но нетерпеливою фамильярностью человека, желающего сказать всю истину» (14, 420). Этим формулируется принцип создания романа,

³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32: Воскресение. М., 1936. С. 83.

в признании героя содержится важнейшая установка на истинное, хотя и фантастическое слово, которое резко противопоставлено слову рационально-реальному. Митя Карамазов, как и Симонсон в романе Толстого «Воскресенье»⁴, начинает замечать, что представители закона не только не имеют права осуждать его, но не заслуживают чести выслушать его задушевный, искренний рассказ о перипетиях его душевных переживаний, высокий смысл которых он определяет следующим образом: «Поэма! В стихах!» (14, 420) Отметим, что и авторский текст Ивана Карамазова о Великом инквизиторе определен как «поэма». Желание Дмитрия высказать всю истину, т. е. создать такой же поэтический текст — «поэму», сталкивается со стремлением следователей поймать преступника на неосторожном слове или жесте, обращенном в улику против него. Тем самым, показывает Достоевский, побеждает не истина, а правильно составленное юридическое слово, а далее в соответствии с буквой закона подозреваемый становится преступником, объявляется о его аресте, и окружающие выключают его из своего общества, перестают обращаться с ним как с человеком, превращая его в изгоя. Дмитрий Карамазов глубоко возмущен тем, что его принимают за лгуна, ведь, будучи человеком чести, он никогда не опустил бы до того, чтобы лгать, тем более в таком деле, как смерть его отца. Когда он убедился в том, что ему не верят, что бы он ни говорил, начинает «рассказывать сухо, бегло» (14, 433) и отдается во власть судебного процесса как неминуемого.

Достоевский описывает тончайшие нюансы словесного поединка между Дмитрием и следователями, заставляя нас вспомнить подобного рода поединки между Порфирием Петровичем и Раскольниковым в романе «Преступление и наказание». Имя Николая Парфеновича сохраняет фонетическую аллюзию на имя следователя из «Преступления и наказание»; оба следователя убеждены в виновности подсудимого, в то время как Дмитрий думает, что видит своего следователя насквозь и, как и Раскольников, легко обходит его ловушки. В двухголосном нарративе героя соплагаются его точка зрения и точка зрения следователя – версия происшедшего убийства, в которой обнажаются ошибки Дмитрия, совершенные им по простоте и наивности. Дмитрий и сам ведет параллельное расследование своими методами и, когда наконец-то догадается о том, что улики (знаки, деньги, дверь) действительно означают, тогда и осознает, что убийцей мог быть только Смердяков. Как и Иван, он с неизбежностью приходит к такому выводу, и в этом деле лакей и черт проявляются как амбивалентные альтер эго героев. Именно после такого раскрытия личности настоящего преступника герой начинает понимать, что раньше «нарочно налгал на себя» (14, 439), и только тогда можно его спасти, когда он раскроет свою «великую тайну» (14, 440) приобретения денег.

⁴ Толстой Л. Н. Воскресение. С. 427.

К этому выводу его приводит также и позорная демонстрация грязного белья участников судебного разбирательства. Вещественные доказательства в виде окровавленного рукава получили большую убедительную силу, чем его горячая исповедь, маркируя внешнюю нечистоту персонажа. Переодевание в другое платье герой воспринимает как обретение статуса «шута» (14, 436). Напомним, что его отец Федор Павлович постоянно представлялся шутком, а теперь такая участь постигла и Митю. При смене одежды герой испытывает настоящий метафизический стыд, будто его поймали как вора и лишили офицерской чести, которая двигала им до конца и во всей этой истории с Катериной Ивановной. По этой причине он боится записи этой истории в протоколе, настолько ужасается мысли о возможности опозорить уважаемую им женщину. В силу того, что по мере продвижения процесса деньги перестают быть мелочью, обращаясь в главную улику против него, ему приходится впутать ее в дело. Однако при этом он выражается столь эмоционально, часто останавливаясь на моментах, которые кажутся окружающим не относящимися к делу, например, сосредотачиваясь на семантике слов «вор» и «подлец» (14, 443), что прагматически рассуждающие следователи не находят аргументов для его оправдания; Дмитрий Карамазов не смог объяснить следователям, как устроен человек, живущий по кодексу чести, по той простой причине, что понять эту мысль способен только тот, кто сам руководствуется этим кодексом.

В том, как товарищ прокурора корректирует показания свидетелей, снова можно усмотреть параллель с техникой Порфирия Петровича из «Преступления и наказания». Хроникер фокусирует свое внимание на том, что он резко увеличивает сумму, растрченную Митей. Затем в повествование вкрапляется рассказ о сновидении, в котором проблема, мучающая героя, предстает в метафорическом виде. Митя запланировал убить себя на рассвете, но после его признания начинается дождь, что для него становится новым психологическим испытанием. В этой связи Дмитрию привиделся кошмар про грязное «дитё» (14, 456), который после его пробуждения реализуется в желании очиститься от позора и греха помышления о самоубийстве. Он обращается к народу, однако ни прощения, ни сочувствия не получает. Даже хозяин заведения уверен в том, что убийцей мог быть только Дмитрий.

Между тем приобретение и растрата неизвестной суммы связывает всех персонажей романа, запутывает все сюжетные узлы и создает специфическую сюжетную канву романа. Следующее обращение к тайнам денег Мити происходит во время судебного разбирательства, в процессе которого повторяется и разворачивается провозвещенная допросом оппозиция реального факта и романной истины: согласно определению обвинителя, ладанка — это «легенда», «противоречие с действительностью», т. е. «фикция» (15, 31). Нет «ясного доказательства» (15, 97) невиновности героя, сведений о точной сумме и месте припрятанных денег — ни Карамазовым-отцом, ни Карамазовым-сыном.

В описании же судебного разбирательства поражает множество согласованных друг с другом фактических деталей. Представляются улики, протоколы и другие документы в связи с условиями преступления и в итоге получается будто бы настоящий репортаж о судебном заседании. Отметим, что известный юрист А. Ф. Кони был знаком с Достоевским, написал мемуары о нем. Писатель мог черпать у него сюжеты своих произведений, кроме тех, которые и так вызвали широкий общественный резонанс (дело Д. В. Каракозова или С. Г. Нечаева). А. Ф. Кони был не единственным юристом, который влиял на работу писателя над «Братьями Карамазовыми». Таким был и адвокат В. Д. Спасович, который стал прототипом Фетюковича.

Вопреки установке на достоверность изложения, хроникер — ненадежный нарратор. Признавая свою ограниченность и то, что он не «в силах передать все то, что произошло» на суде, не только «в надлежащей полноте» (чтобы не вышла целая книга — см. выше высказывание Мити), но и «в надлежащем порядке» (15, 89), а также, не обладая юридической или медицинской компетентностью, заключение московского врача он передает «своими словами» (15, 104). Читатель остается на том же уровне информированности, что и он. Хроникер транслирует лишь то, что его «лично поразило» и он «особенно запомнил» (15, 89), в то же время обладая посредственным интеллектом, что отражается на некоторых его комментариях. Он зачастую воспроизводит чужую оценку ситуации, претендует на то, чтобы быть выразителем мнения толпы зрителей. Между тем дело получило «всероссийскую огласку» (см. выше «широкий резонанс») и до основ «потрясло всех» (15, 89). В результате зал заседания суда был переполнен, в нем преобладают женщины, у которых возникает своеобразное отношение к процессу: вера одновременно в виновность и в оправдание преступника. Назовем эту позицию дам романтическим прочтением ситуации, в отличие от более «озлобленных» мужчин (15, 91), которые представляют прагматическое ее понимание. Причиной неодобрительного отношения к герою также служит его вызывающее поведение.

Хроникер «Братьев Карамазовых» остается беспристрастным, не пытаясь ни осуждать, ни оправдывать подсудимого. Он стремится понять и изложить события, отмечая промахи и умелые шаги участников, а также определить личные мотивы, стоящие за той или иной репликой, комментирует стиль и речевую манеру выступающих. Так, он акцентирует «искренность» товарища прокурора, с которой тот «верил в виновность подсудимого» (15, 123). Кроме того, оказывается, что Ипполит Кириллович умело пользуется риторическими средствами, присутствующими опытным ораторам, чтобы «на всю Россию высказаться» (15, 125). К примеру, в свою речь он очень эффектно вставляет и «Трактат о Смердякове», в котором опровергает предположение о том, что лакей «нарочно притворился больным» (15, 137), как будто это могло быть «абсурдом», противоречащим «логике» и «фактам» (15, 138).

Обвинитель детализирует историю отцеубийства, подчеркивая при помощи местоимения «мы» внутреннюю обобщенность собравшихся на процессе. Его речь построена на раскрытии влияния среды на личные мотивы предполагаемого убийцы. Он намерен захватить слушателей с помощью характеристики преступника, словно перевоплощаясь в его фигуру. В романе Достоевского репрезентируется эта версия обвинения подсудимого, равно как и дискурс, воспроизводящий эту историю. Неадекватный язык обвинительной речи основан на мнимой психологизации, сведении всего к абстракции, применении приемов риторики и логики. Тем не менее товарищ прокурора, сам того не ведая, наиболее точно схватывает сущность поступка и роли Мити, называя его «романистом»: «можно осадить и в прах разбить» его «подробностями, которыми всегда так богата действительность» и которые, как «ненужная мелочь, пренебрегаются этими несчастными и невольными сочинителями» (15, 149). «Роман», созданный Митей, однако, в самом деле получается более «правдоподобным» (15, 148), чем та интерпретация, которую дает ему Ипполит Кириллович.

Это подтверждается и тем, что последний лишь на уровне социологии понимает художественное произведение, перефразируя цитату из стихотворения М. Ю. Лермонтова о «немытой России». Он завершает свою речь обрисовкой похождений Мити, которая представляется ему важной «совокупностью фактов» (15, 150), производя нужное впечатление на малообразованную публику, его речь «страшно повлияла на убеждение слушателей» (15, 145). В том же духе он призывает присяжных стать на защиту основ «священной нашей России», которая требует соответствующего наказания отцеубийцы, чтобы другие народы сторонились «от почтения», а не «от ужаса» того, что «скачущая тройка» все разрушает на своем пути (15, 150). Цитирование обвинителем заключительных фраз романа-поэмы Н. В. Гоголя метапоэтически освещает реальный контекст романа Достоевского. Известно, что ключевая метафора «скачущей тройки» в гоголевском лирическом отступлении относится и к акту письма, к писательскому делу, поэтому такого рода интерпретация выглядит узкой и односторонней. Вместе с тем у Достоевского она раскрывает взаимосвязь темы суда с вопросом жанра романа (см. выше: Митя называет свое признание «романом», «поэмой»).

Хроникер не объясняет смысл и содержание речи товарища прокурора, но утверждает, что публика с нетерпением ждет известного адвоката Фетюковича (15, 94). Он обращает внимание не только на внешность защитника, но и на его умение легко разоблачать так называемых «опасных свидетелей» (15, 95). Таким является и Ракитин, который старается свести проблему убийства к вопросам справедливости крепостного строя и испорченным нравам, в то время как его конкретные поступки свидетельствуют об отсутствии каких-либо моральных норм.

Адвокат демонстрирует новую сторону психологизма, освещая дело совершенно по-новому. Он показывает единичные факты, разбивая таким образом доказательную силу обвинения и представляет проблему поэтической фикции. В его подходе все положения Ипполита Кирилловича кажутся «романическими» и «фантастическими», будто бы товарищ прокурора сочинил свой «собственный роман», будучи сам последователем сочинителей, не беспристрастным и не имеющим достоверных свидетелей (15, 158). Фетюкович отказывается и от созидания романа, и от красноречия, строя якобы истинную реальность, будто «денег не было, грабежа не было» (15, 153), утверждая отсутствие доказательности вышеупомянутых «фактов», на основе которых товарищ прокурора создавал свою фикцию: «Уж не роман ли и это?» (15, 161) Адвокат указывает на то, что в жизни подсудимого не реализовалось настоящее значение слова «отец». Он доказывает, что со стороны Мити «убийства не было» (15, 161), и рисует в своем собственном «трактате» картину, совершенно противоположную: возникает фигура способного на злодеяния Смердякова. Его версия в этом отношении более подходит под ту, которую предлагает нарратор романа Достоевского. Так, в ней переосмыслены различные определения жанра и значения слов.

Защитник предостерегает присяжных от совершения судебной ошибки и призывает к помилованию подсудимого не в силу уверенности в его невиновности, а во имя христианского человеколюбия (15, 167), чтобы тот спасся и воскрес душой. Таким образом, здесь вводится новый голос (слово милосердия), полемизирующий с голосом прагматическим и трактовкой обвинителя. В завершение своей речи Фетюкович с иным оттенком, с установкой на великий акт «любви», воспользуется литературной аллюзией своего оппонента: «...не бешеная тройка, а величаявая русская колесница торжественно и спокойно прибудет к цели» (15, 173). Такое прочтение следственного дела вызывает у публики восторг неудержимый, «как буря» (15, 173). Чувствуя, что его осадили, Ипполит Кириллович обвиняет адвоката в том, что тот также сочинил «роман на роман», даже «поэму в байроновском вкусе» для «эффекта», но с искажением слов Евангелия (15, 174). Метапоэтическая полемика вокруг слова, направленного на воспроизведение истории и проблемы романного слова, на основе темы преступления и наказания, выливается в специфический метапоэтический дискурс «Братьев Карамазовых».

В завершение этой части судебного процесса Митя утверждает, что его суд за грешную жизнь уже «пришел» (15, 175), но в отцеубийстве он невиновен. Тем не менее, вопреки всем ожиданиям, ораторский талант Ипполита Кирилловича оказался для присяжных более убедительным, мужички «за себя постояли» и по всем пунктам посчитали Митю виновным, в прямом смысле слова «покончили» с ним (15, 178). Хроникер отмечает, что забыл вопросы, заданные присяжным, помнит из провозглашения приговора лишь несколько громких реакций со стороны

зрителей и то, что Митя не своим голосом повторяет слова про свою невиновность.

Читатель, ознакомленный с «исповедью» Смердякова и принявший ее за правду, может легко увидеть ложную цепочку рассуждений обвинителей и судей Дмитрия. Структура романа Достоевского в данном случае перестает следовать правилам классического детектива, ибо после эпизода беседы Ивана со Смердяковым и с чертом, раскрывающими личность настоящего убийцы, становится ясно, что выдвигались несостоятельные версии, произошло обвинение и осуждение невиновного. Возникает вопрос: кем может быть вставлен этот фрагмент, если оставить без внимания уровень субъекта дискурса? По всей вероятности, следует приписать его («фантастическому») вымыслу Ивана, и сочиняет его хроникер на основании показаний персонажа на суде в защиту Мити. Акцентируется его фиктивность из-за кажущегося помешательства его так называемого автора. «Внезапная катастрофа» (15, 178) усугубляет и так напряженную ситуацию, вызывает страшный скандал во время судебного заседания. Возможно, это и приводит к тому, что присяжные заседатели аннулируют доводы адвоката в пользу подсудимого и продолжают верить в прочтение истории Мити товарищем прокурора. В романе Толстого «Воскресенье» также описывается судебная ошибка, однако, в отличие от «Братьев Карамазовых», здесь присяжные не характеризуются как отдельные личности, кроме того, отсутствует утверждение, что «скотопригоньевские мещане почти те же крестьяне» (15, 93). Хроникеру это кажется любопытным фактом, так как именно эти двенадцать человек выносят приговор, осуждающий Митю.

Предложенные версии убийства («романы») могут показаться не вполне адекватными на фоне той поэтической картины, которая вырисовывается в романе в целом. Диалог между несколькими «романами» в «Братьях Карамазовых» показывает, что «фантастический», «высший» реализм Достоевского глубже раскрывает настоящую природу вещей, чем факты и мелочи, требуемые юристами — представителями социальной обыденности. Реалистическое или психологическое постижение облика преступника оказывается недостаточным для логического объяснения поступка человека, или, в целом, возникновения преступления в обществе: роман предлагает значительно более широкую смысловую парадигму. В завершение описания следствия и судебного разбирательства читатель может сопоставить краткое переложение содержимого протокола, записи процесса и презентацию истории братьев Карамазовых с совершенно иным поэтическим словом самого романа Достоевского. Таким образом, в рамках темы преступления и наказания раскрывается суть вопроса о жанре романа и расследуется не убийство Федора Павловича, но поэтическая структура романного нарратива.

Это утверждение применимо также и к роману Л. Н. Толстого «Воскресение». Но, прежде чем обратиться к данному аспекту, перечислим

наиболее очевидные и непосредственные переключки между произведениями. А. Ф. Кони поделился с Л. Н. Толстым сведениями об истории проститутки и ее соблазнителя, которую писатель и положил в основу сюжета романа «Воскресенье». Помимо этого, Толстой информировал своего читателя и о других реальных событиях, например о смерти пятерых арестантов, отправленных с конвоем на каторгу в невыносимую жару. Для достоверности он сделал примечание к описанию данного эпизода в тексте романа⁵. Соответственно, и многие другие реальные факты, например избивание заключенного бывшим «не в духе» офицером⁶, утверждающим, что он таким образом показывает закон на деле, или биографический опыт и впечатления Толстого также были включены в «Воскресение».

Сближает рассматриваемые произведения, помимо нарративов о преступлении и наказания, и то, что в них приводятся и другие, оправдывающие факты из жизни ложного обвиняемого, его точка зрения на судебное дело, эффект, произведенный на него несправедливым приговором суда, а также намеки на его дальнейшую судьбу. Однако сюжет романа «Воскресение» не содержит ни затруднения, ни замедления для сокрытия тайны, отсутствуют и ложные разгадки или подозрения, так же как и улики и анализ поведения подсудимых. Здесь сразу же разоблачают настоящих преступников, даже если Толстой оставляет в стороне расследование преступления и не раскрывает личность убийцы, не выясняет, что на самом деле произошло в тот роковой день. Ему важна детализация истории перерождения к данному делу не причастных, но в другом отношении грешных людей. Именно по этой причине у него не приводятся подробно ни доказательства расследователей, ни предположения обвинителей или защитников, ни сводка всех данных.

Роль Нехлюдова как присяжного заседателя и свидетеля событий судебного процесса становится мотивом для повествовательной детализации «из первых рук». С его оценочной точки зрения Толстой показывает лицемерие и мнимое превосходство участников процесса. У него знаменитый адвокат выигрывает дело в пользу виновного; член суда занят только собственными проблемами и в ходе слушания дела шепчется с председателем о своем; а либеральный секретарь находит способ борьбы с режимом в конфликте с консервативным товарищем прокурора, который посещает дом терпимости Масловой и не читает ее дело, но желает добиться ее обвинения любой ценой. Конфликт членов суда и их равнодушие оказывают отрицательное влияние на исход дела. Показные и ложные мотивы участников вынесения приговора разоблачаются и тем, что акцентируется правильность их действий, однако «добрый» член суда собирается решить дело по загадке, а в итоге решает «по доброте», в то время как «сердитый» член суда не хочет

⁵ Толстой Л. Н. Воскресение. С. 397.

⁶ Там же. С. 421.

оправдать Маслову из-за веры в строгость закона⁷. Так и товарищ прокурора просит всем «самых строгих» наказаний⁸.

В отличие от романа Достоевского, речи обвинителя и адвоката у Толстого приводятся не в полном объеме, лишь отмечается, что звучит много «ненужных вопросов от товарища прокурора и защитников, председатель предложил присяжным осмотреть вещественные доказательства»⁹. В то же время излишне подробная детализация некоторых моментов процесса объясняется не данью реализму, а установкой романа на разоблачение человеческих пороков: товарищ прокурора по своей глупости полностью пользуется своим правом и установленным порядком процесса, затягивая его. Он, так же как и его коллега в романе Достоевского, намерен психологизировать и «обнажать язвы общества»¹⁰. Здесь снова наблюдаются отсылки к культурным типам, ибо обвинитель представляет убитого купца Смелькова как «тип могучего, нетронутого русского человека с его широкой натурой», например «Садко», который попал «во власть» «развращенных личностей»¹¹. Согласно этой версии, Маслова является пружиной преступления, завладевшей «русским богатирем»¹². Такое прочтение дела высмеивают даже члены суда. Однако подчеркивается «усиленное красноречие»¹³ товарища прокурора, призванное повлиять на присяжных. Этому он и приписывает свой финальный успех.

В тексте романа оценивается и манера речи выступавших на суде. К примеру, товарищ прокурора говорит с «мефистофельской» улыбкой¹⁴, «ядовито»¹⁵ отвечает на положения защитника, когда указывает на соблазнительную деятельность героини. Щедро оплаченный адвокат других обвиняемых, который «сваливал всю вину на Маслову» как «отравительницу»¹⁶, сам говорит словно высокомерно и презрительно. Попытка адвоката использовать психологические приемы выглядит неуместной, он говорит с ошибками, не в силах правильно оформить свою речь, «мямлит»¹⁷. Столь же неудачен и секретарь, «картаващий»¹⁸ при зачитывании обвинительного акта, порождая бессвязный гул звуков «л и р»¹⁹. В своем резюме председатель суда воспользовался «своим

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Там же. С. 89.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 49.

¹⁵ Там же. С. 91.

¹⁶ Там же. С. 90.

¹⁷ Там же. С. 91.

¹⁸ Там же. С. 84.

¹⁹ Там же. С. 43.

правом говорить»²⁰, но породил всего лишь сентенцию «грабеж есть грабеж». Чтобы успеть на свидание с любовницей, он упускает возможность сказать главное: как присяжным надо правильно формулировать ответы. Следовательно, настоящий суд в романе Толстого идет не только над судебным процессом и российской юриспруденцией (для которых характерны кажущийся внешний порядок и внутренняя пустота), но и над самим опустошенным и осуждающим языком.

В совещательной комнате присяжные заседатели могли бы сбросить с себя фальшивую маску общественно важного поведения, однако этого не происходит. Их совещание представлено более детально, чем сам процесс. Раскрываются внутренние мотивы их поведения, подобно тому, как это происходило с членами судебной коллегии. Купец желает оправдать Маслову, ибо она нравится ему, у старшины противное мнение, он желает соблюсти букву закона. Нехлюдов боится разоблачить себя, однако фамильярно обращающийся к нему Петр Герасимович, «раздраженный авторитетным тоном старшины»²¹, встает на защиту Масловой. Нарратор подчеркивает всеобщую усталость собравшихся как причину того, что заседатели забывают указать на пункт о неумышленном причинении смерти. Эта ошибка приводит к несправедливому осуждению невиновной, подобно тому, как это случилось с Дмитрием Карамазовым.

Нарратив «Воскресенья» строится таким образом, что происходит умышленное нарушение хронологии в строительстве цепи событий. Прежде чем становится известно, по какому делу судят Маслову, дискурсивно детализируется преступление Нехлюдова и его вина перед ней. Текст строится на чередовании протокольного (бесстрастного-юридического-нравоучительного) и поэтического (метафорического-пейзажного) описания жизни главных героев. Князь с первого момента оправдывает Катюшу, обвиняет себя в случившемся и ищет искупления. Как и Достоевский, Толстой позволяет своему герою давать оценки и выносить моральный приговор и над собой, и над обществом.

Роль Нехлюдова состоит в разоблачении ложной разгадки, он, как благородный сыщик, с искренней заинтересованностью и с надеждой на исправление дела на кассации вмешивается в якобы ясные и закрытые дела, разоблачает следовательские, административные и судебные ошибки, добиваясь справедливости. Он желает устранить насилие как таковое, желает помочь крестьянам, лишенным земли, сектантам, читающим Евангелие. Политические арестанты, за исключением Новодворова, также представляются ему чистосердечными борцами за дело человеколюбия. В сюжете романа приводится немало других, подобных этому дел (кража со взломом, ложное осуждение за поджог), в которых

²⁰ Толстой Л. Н. Воскресение. С. 94.

²¹ Там же. С. 99.

арестантом оказывается невиновный человек, приговоренный к жестокому наказанию.

Аналогично строятся эпизоды во всех пенитенциарных учреждениях, в которых главный герой только по своему привилегированному и неприкосновенному статусу получает предпочтение, несмотря на основополагающий принцип «перед судом все люди равны»²². Однако блюстители заведенного порядка, как правило, в конечном счете не помогают ему. Они только слепо соблюдают закон, несостоятельность которого также подвергается критике в романе «Воскресенье». Проникнутый чувством вины перед Катюшей, Нехлюдов и старается «облегчить ее участь»²³, и обращается к известным и важным лицам, к адвокату-щеголю, который в этом романе, как и у Достоевского, заранее считает дело выигранным. Главный герой глубоко разочаровывается, когда Сенат отказывает ему: «Высшее учреждение подтвердило совершенное беззаконие»²⁴ и «бессмысленное мучительство»²⁵ над невиновной.

Все эти примеры призваны иллюстрировать безответственность чиновничества, которое не исполняет своих обязанностей, не применяет добросовестный и гуманный подход при расследовании судебных дел. Визиты князя к официальным лицам презентуются по одинаковой схеме: описывается внешность человека у власти, затем из поступков узнается его характер, приводится негативная оценка его морального состояния, в соответствии с которой и разрываются отношения с ним. Так происходит и с другом, и с шурином Нехлюдова, а также в известной мере и с тетей, Катериной Ивановной, которая любит его, однако легко поддается влиянию шарлатана Кизеветера. Противоречивую жизненную позицию тетушки выражает и ее суждение об убийце офицера на дуэли. В отличие от государя, она не считает правильным называть это дело «защитой» чести мундира²⁶.

Судя по этим оценкам представителей власти, Толстой критически относится к ним, как и Достоевский, однако в данном случае это усиливает дидактичность и тенденциозность его романа, назидательная и этическая установка которого направлена на улучшение разрушенной государственной системы. Вместе с тем, возможно, дело также и в другом. Поздний Толстой экспериментирует с перенесением принципа опрощения в литературу, что выливается в притчеподобные поэтические эксперименты. Именно такая позиция — против вычурного языка модернизма — и выражается в его попытках создать новое слово и новую жанровую форму, которая в итоге и находит свое воплощение в последующих произведениях. И Достоевский, и Толстой ставили

²² Там же. С. 204.

²³ Там же. С. 107.

²⁴ Там же. С. 326.

²⁵ Там же. С. 332.

²⁶ Там же. С. 305.

во главу угла нравственно-философские вопросы, решение которых внутри личного ракурса каждого человека приводит его к тем или иным результатам в практической и общественной деятельности, вне зависимости от профессии, возраста, пола и других его качеств. Тематика «преступления и наказания» предоставляла для этого широкие возможности. Но решали классики эту задачу по-разному: Достоевский искал корень зла в низкой способности многих людей понять ценность добра, Толстой — в несовершенстве государственного и общественно-го устройства.

Библиографический список

- Андреева В. Г.* Проблема власти в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Новый филологический вестник. 2020. №4 (55). С. 96–112.
- Боровски М.* Элементы детективного романа в структуре сюжета «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года / ред. В. В. Дудкин. Великий Новгород, 2008. С. 36–45.
- Зброжек Е.* Дело об убийстве Федора Павловича Карамазова. 2012. URL: <https://proza.ru/2012/12/04/663> (дата обращения: 12.09.2023).
- Кузина Л. Н., Тюнькин К. И.* «Воскресение» Л. Н. Толстого. М.: Худ. лит-ра, 1978. 118 с.
- Молнар А.* Образ черта в расследовании: «Братья Карамазовы» и сериал «Люцифер» Нетфликса // Артикульт. 2022. №4 (48). С. 65–70.
- Романов Д. А.* Языковой мир Льва Толстого глазами современного читателя. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. 158 с.
- Скафтымов А. П.* Идеи и формы в творчестве Л. Толстого // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Худ. лит-ра, 1972. С. 134–181.
- Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32: Воскресение. М.: Худ. лит-ра, 1936. 542 с.
- Шкловский В. Б.* За и против: Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель, 1957. 259 с.
- Шкловский В. Б.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
- Jovanović M.* Техника романа тайн в «Братьях Карамазовых» // *Dostoevsky Studies* / Toronto Slavic Quarterly. 1984. Т. 5. С. 4–36.

References

- Andreeva V. G. Problema vlasti v romane L. N. Tolstogo “Voskresenie” [The problem of power in L. N. Tolstoy’s novel “Resurrection”]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 2020, no. 4 (55), pp. 96–112. (In Russ.)
- Borovski M. Elementy detektivnogo romana v strukture siuzheta “Brat’ev Karamazovykh” F. M. Dostoevskogo [Elements of a detective novel in the plot structure

- of “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky]. In: *Dostoevskij i sovremenost’*. *Materialy XXII Mezhdunarodnykh Starorusskikh Chtenii 2007 goda*, ed. V. V. Dudkin. Velikii Novgorod, 2008. Pp. 36–45. (In Russ.)
- Jovanović M. Tekhnika romana tain v “Brat’iakh Karamazovykh” [The technique of the mystery novel in “The Brothers Karamazov”]. *Dostoevsky Studies / Toronto Slavic Quarterly*, 1984, vol. 5, pp. 4–36. (In Russ.)
- Kuzina L. N., Tiun’kin K. I. “Voskresenie” L. N. Tolstogo [“Resurrection” by L. N. Tolstoy]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1978. 118 p. (In Russ.)
- Molnar A. Obraz cherta v rassledovanii: “Brat’ia Karamazovy” i serial “Liutsifer” Netfliksa [The image of the Devil in investigation: “The Brothers Karamazov” and the Netflix series “Lucifer”]. *Artikul’*, 2022, no. 4 (48), pp. 65–70. (In Russ.)
- Romanov D. A. *Iazykovoii mir L’va Tolstogo glazami sovremennogo chitatelia* [The linguistic world of Lev Tolstoy through the eyes of a modern reader]. Tula, Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo, 2008. 158 p. (In Russ.)
- Shklovskii V. B. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow, Federatsiia, 1929. 265 p. (In Russ.)
- Shklovskii V. B. *Za i protiv: Zametki o Dostoevskom* [Pro and contra: Notes on Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel’, 1957. 259 p. (In Russ.)
- Skaftymov A. P. Idei i formy v tvorchestve L. Tolstogo [Ideas and forms in the works of L. Tolstoy]. In: Skaftymov A. P. *Nravstvennye iskaniiia russkikh pisatelei*. Moscow, 1972. Pp. 134–181. (In Russ.)
- Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]: in 90 vols., vol. 32: *Voskresenie* [Resurrection]. Moscow, Hudozhestvennaia literatura, 1936. 542 p. (In Russ.)
- Zbrozhek E. *Delo ob ubiistve Fedora Pavlovicha Karamazova* [The case of the murder of Fyodor Pavlovich Karamazov]. 2012. Available at: <https://proza.ru/2012/12/04/663> (accessed: 12.09.2023). (In Russ.)